

отличается от формы, актом которой он является. Для Эгидия существование и сущность — это две вещи (*sunt duae res*), и различаются они именно как вещи (*distinguuntur ut res et res*). Поэтому справедливо было замечено, что в учении Эгидия это овеществление существования сопрягается с «чрезвычайным авторитетом Прокла и Боэция в теории причастности» (Э. Оседез). Это замечание — словно луч света. Если Эгидий интерпретировал бытие (*esse*) акта Фомы как бытие формы Прокла («*prima rerum creaturarum est esse*»*), то неудивительно, что при решении вопроса о возможности существования он понимал его как реальность, отличную от сущности. Так что следует допустить, что доктрина Эгидия была вдохновлена совсем

Глава VIII. Философия в XIII веке

414

ным духом, нежели учение св. Фомы Аквинского.

Именно таково направление, на которое должны ориентироваться новые исследования достоинств философии Эгидия Римского. Проникнуть в его учение легче всего посредством его комментария 1280 г. к «Книге о причинах». Опираясь на неоплатонизм Прокла, Эгидий обращается к миру умопостигаемых форм, которые вовсе не обязаны быть абстрактными в томистском смысле термина. Достаточно, чтобы действующий интеллект сдвинул и осветил призрачное и возможный интеллект, чтобы первый воздействовал на второй,—и тогда возникнет умопостигаемый вид. Действующий интеллект ведет себя при этом как подобие формы возможного интеллекта. Согласно глубоким требованиям платонизма, «одна и та же «чтойность» есть особенное, если ее рассматривать в вещах, и универсальное, если ее рассматривать в духе» (Э. Оседез). Многочисленные расхождения между св. Фомой и Эгидием Римским, отмеченные Дионисием Шартрским, — ничто по сравнению с Книгой I «Сентенций». Э. Оседез опубликовал перечень расхождений, и теперь невозможно сомневаться в том, что речь идет о двух теологиях, не противостоящих друг другу явно, но по крайней мере различных. Стоит ли поэтому отрицать, что в них нет определенных общих выводов? Ни в коем случае; но даже в вопросе единства формы, где юный Эгидий проявил себя как мученик томистского дела, он всегда защищал только свою собственную позицию. Если же мы хотим любой ценой считать его учеником св. Фомы, то заметим, что он был одним из тех учеников, которые считают, что учитель прав, но почему — они знают первыми.

Не только Орден св. Августина сумел отличить идеи Эгидия от идей св. Фомы и официально принял их как свою доктрину, но и сам теолог создал свою школу. Августинец Джакомо Капоччи (Якоб из Витербо, умерший в 1308 г.) написал сочинение «Сентенции Эгидия в сокращенном варианте» («*Abbreviatio Sententiarum Aegidii*»), а также

важный политический трактат «О христианском устройстве государства» («*De regimine christiano*») и различные «Вопросы» («*Quaestiones*») превосходного качества. Орто воздает ему честь, заметив, что Якоб из Витербо гораздо ярче св. Фомы Аквинского и много раньше Лейбница показал, что, утверждая, будто душа подобна табличке, на которой ничего не написано, нельзя забывать, что сама душа естественным образом пребывает в действии и что это действие происходит «*actus non acquisitus, sed naturaliter inditus et animae connaturalis*»*. М. Грабман, со своей стороны, проанализировал «Вопросы проповедей о божественных предметах» («*Quaestiones de praedicamentis in divinis*») Якоба из Витербо, где проблема различения сущности и существования — в том виде, как она ставилась в ту эпоху, — трактуется в очень широкой перспективе и с исключительным